

ЛИТОВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВѢДОМОСТІ
№ 21.

15-го Ноября

1865 года.

Выходятъ два раза въ мѣсяць.

Цѣна годовому изданію съ пересылкой ПЯТЬ РУБЛЕЙ СЕР.

I.

ВЫСШІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О порядкѣ увольненія въ отпускъ Епархіальныхъ Архіереевъ, ихъ Викаріевъ, находящихся въ епархіальныхъ монастыряхъ на покой.

По указу Его Императорскаго Величества, Святейшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе господина Синодальнаго Оберъ - Прокурора, отъ 15-го октября за № 5,218, о томъ, что

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу его, Господина Оберъ-Прокурора, въ 14 день Октября, въ измѣненіе существующаго порядка относительно увольненія Епархіальныхъ Преосвященныхъ въ отпуски, согласно съ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, Высочайше повелѣть соизволилъ принять въ руководство по этому предмету слѣдующее правило: Епархіальнымъ Архіереямъ дозволяется отлучаться изъ своей епархіи, по уважительнымъ причинамъ, на срокъ не долѣе осьми дней, не испрашивая разрѣшенія, но каждый разъ донося Святѣйшему Синоду въ извѣстіе, съ объясненіемъ причинъ отлучки. Отпуски Епархіальнымъ Архіереямъ на срокъ долѣе осьми дней до двадцати девяти дней разрѣшаются Святѣйшимъ Синодомъ, на отпуски же долѣе двадцати девяти дней Святѣйшій Синодъ испрашиваетъ Высочайшее соизволеніе. *Примѣчаніе.* Правилу сему не подлежатъ: а) Викарные Архіереи, коимъ отпуски на срокъ до двадцати девяти дней разрѣшаются Епархіальнымъ Архіереемъ, а на всякій срокъ долѣе двадцати девяти дней, Святѣйшимъ Синодомъ, по представленію Епархіальнаго Архіерея, и б) Архіереи, находящіеся въ Епархіальныхъ монастыряхъ на покоѣ, которымъ предоставляется право отлучаться въ иныя епархіи, на срокъ не долѣе двадцати девяти дней, не испрашивая на таковыя отлучки разрѣшенія съ тѣмъ, чтобы они каждый разъ извѣщали о своей отлучкѣ Епархіальнаго Архіерея; на отлучки срокомъ долѣе двадцати девяти дней пребывающіе на покоѣ Архіереи испрашиваютъ разрѣшенія Святѣйшаго Синода. Приказали: О вышеизъясненномъ Высочайшемъ повелѣніи, къ должному руководству, дать знать по Духовному вѣдомству

печатными указами, а для объявленія во всеобщее свѣденіе сообщить Правительствующему Сенату вѣденіемъ. Октября 27 дня 1865 года.

— *О предоставленіи Епархіальнымъ Архіереямъ права самимъ увольнять изъ духовнаго званія въ свѣтское окончившихъ курсъ семинарскаго ученія воспитанниковъ.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 30 минуваго Сентября за № 4929, о томъ, что Государь Императоръ, по всеподанѣйшему докладу его, г. Оберъ-Прокурора, въ 29 день Сентября, въ измѣненіе 92 ст. Уст. Дух. Конс., согласно съ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, Высочайше соизволили постановить слѣдующее правило: окончившихъ курсъ семинарскаго ученія, но не поступившихъ на мѣста воспитанниковъ предоставить увольнять по просьбамъ изъ духовнаго званія въ свѣтское самимъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ, а по Армейскому вѣдомству главному священнику Арміи и Флотовъ, не испрашивая разрѣшенія Святѣйшаго Синода; о числѣ же уволенныхъ въ теченіе года показывать въ вѣдомости, ежегодно представляемой по ст. 78 Уст. Дух. Конс.,—Окончившихъ курсъ академскаго ученія увольнять изъ духовнаго въ свѣтское званіе на прежнемъ основаніи, т. е. не иначе, какъ съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода. Приказали: О вышеизъясненномъ Высочайшемъ повелѣніи, къ должному исполненію, дать знать по духовному вѣдомству пе-

чатными указами, а для объявленія во всеобщее свѣденіе сообщить Правительствующему Сенату въденіемъ. Октября 12 дня 1865 года.

— О предоставленіи церковнымъ причтамъ самимъ, безъ посредства Епархіальныхъ Начальствъ, отсылать въ кредитныя учрежденія кошелековыя суммы.

По указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора отъ 15 октября за № 5,216, о томъ, что Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу его, господина Оберъ-Прокурора, въ 14 день октября, въ измѣненіе 139 ст. Уст. Дух. Конс., согласно съ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, Высочайше повелѣть соизволилъ постановить слѣдующее правило: предоставить церковнымъ причтамъ излишнія кошелековыя суммы самимъ отсылать въ кредитныя учрежденія для приращенія процентами, на имя церкви, не обращаясь къ посредству Епархіальнаго Начальства, при чемъ постановить причтамъ въ непремѣнную обязанность не оставлять кошелековой суммы при церкви, безъ надобности, болѣе 100 рублей.— Приказали: О вышеизъясненномъ Высочайшемъ повелѣніи, къ исполненію, дать знать по духовному вѣдомству печатными указами октября 29 дня 1865 г.

О порядкѣ увольненія въ отпускъ за границу лицъ духовнаго званія.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предло-

женіе господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора отъ 15 Октября за № 5217, о томъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу его, Господина Оберъ-Прокурора, въ 14 день Октября, въ измѣненіе 446 ст. Т. XIV Уст. о пасп., согласно съ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, Высочайше повелѣтъ соизволилъ постановить слѣдующее правило: предоставить Епархіальнымъ Архіереямъ увольнять за границу, на Аѳонскую гору и въ Іерусалимъ, для поклоненія Святѣйшимъ мѣстамъ, а также въ Европейскія государства, для пользованія отъ болѣзней, лица бѣлаго и монашесствующаго духовенства, не испрашивая разрѣшенія Святѣйшаго Синода, за исключеніемъ духовныхъ лицъ, занимающихъ такія по Епархіальному вѣдомству должности, опредѣленіе на которыя зависитъ отъ Святѣйшаго Синода; таковымъ должностнымъ лицамъ выдавать заграничные паспорта на прежнемъ основаніи, т. е. не иначе, какъ съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода. Равнымъ образомъ Епархіальнымъ же Архіереямъ предоставить и увольненіе въ отпускъ за границу, въ продолженіе каникулярнаго времени, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, состоящихъ на службѣ при духовно—учебныхъ заведеніяхъ, а также воспитанниковъ духовно—учебныхъ заведеній; но изъ сего правила исключаются лица духовнаго сана, занимающія должности Ректоровъ и Инспекторовъ Духовныхъ Академій и Семинарій или Ректоровъ и Смотрителей Духовныхъ Уѣздныхъ Училищъ, на увольненіе коихъ въ отпускъ за границу испрашивать разрѣшеніе Святѣйшаго Синода. Приказали: О вышеизъясненномъ Высочайшемъ повелѣніи, къ должному руководству, дать знать по Духовному вѣдомству

печатными указами, а для объявленія во всеобщее свѣдѣніе сообщить Правительствующему Сенату въденіемъ. Октября 27 дня 1865 года.

О предоставленіи Епархіальнымъ Архіереямъ права самимъ разрѣшать постриженіе желающихъ въ монашество.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 30 минуваго Сентября за № 4928, о томъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу его, Г. Оберъ-Прокурора, въ 29-й день Сентября, въ измѣненіе дѣйствующихъ законовъ (Уст. Дух. Конс. ст. 81, Св. Зак. т. IX ст. 249 и 251), согласно съ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, Высочайше повелѣть соизволилъ: предоставить Епархіальнымъ Архіереямъ самимъ разрѣшать постриженіе желающимъ въ монашество, съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ, не испрашивая разрѣшенія Святѣйшаго Синода. О числѣ постриженныхъ въ продолженіи года лицъ представлять въ Святѣйшій Синодъ, при отчетѣ о состояніи Епархіи перечневую вѣдомость, по прилагаемой при семъ формѣ:

Примѣчаніе. Постриженіе въ монашество въ штатные монастыри и къ Архіерейскимъ домамъ допускается по соображенію имѣющихся въ нихъ вакансій; въ нештатные же монастыри дозволяется принимать столько братіи, сколько обитель можетъ содержать. Такъ какъ (по силѣ 251 ст. IX т. Св. Зак.) желающіе постричься въ

монашество должны сами представлять установленные документы; то предоставить Епархіальнымъ Начальствамъ, не входя въ предварительныя сношенія съ Гражданскими вѣдомствами о безпрепятственности къ поступленію таковыхъ лицъ въ монашество, опредѣлять ихъ, если въ своей стороны не будутъ имѣть причинъ къ отказу, на послушничій искусь, а о принятіи ихъ въ монастырь въ тоже время увѣдомлять отъ Консistorіи то мѣсто, изъ коего выданы представленные ими документы. Приказали: О вышеизъясненномъ Высочайшемъ повелѣніи, къ должному исполненію, объявить по Духовному вѣдомству печатными указами, а для объявленія во всеобщее свѣдѣніе сообщить правительствующему Сенату. Октября 14 дня 1865 года.

II.

МѢСТНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Литовское Епархіальное Начальство, давая знать о продолженіи изданія Литовскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей и въ 1866 году, симъ предписываетъ Духовенству Литовской епархіи—относительно выписки и употребленія епархіальныхъ вѣдомостей руководствоваться постановленіемъ Консistorіи, которое утверждено Его Высокопреосвященствомъ 10 ноября 1862 года, и опубликовано Духовенству при указахъ изъ Консistorіи къ Благочиннымъ и монастырямъ отъ 16 ноября тогоже 1862 года.

III.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПРАВДА.

изъ записокъ Сельскаго священника.

Сердце человѣческое пучина: но она все таки извѣдана на столько, что знаемъ кое что на счетъ свойства ея волнь и водоворотовъ. Скажемъ болѣе, самое направленіе тѣхъ и другихъ, (разумѣется въ нормальное время, исключая бури) едвали не могло-ли быть опредѣлено съ такою-же математическою точностью, какъ приливъ и отливъ моря. Одну только развѣ аномалію нужно-бы здѣсь допустить и постоянно имѣть въ виду: что въ морѣ человѣческаго сердца отливъ почти бываетъ правиленъ, приливъ-же зачастую свое-образенъ.

Но къ чему эти дальнія метафоры, когда имѣемъ божественное сравненіе единственнаго безошибочнаго Сердцевѣдца: что легче видѣть *сучецъ во оцъ брата*, чѣмъ *бервно* въ своемъ (1). Вотъ здѣсь-то, въ самомъ, такъ сказать, органическомъ устройствѣ нашего глаза, и главная причина *аберацій* нашего судебнаго критеріума, противъ которыхъ направлены всѣ наши своды, уставы, уложенія, кодексы и пандекты. Трудъ по истинѣ удивительный, но нескончаемый, необъщающій даже быть когда-либо довершеннымъ; а между-тѣмъ и въ его основаніи лежитъ одна только божественная мысль, выраженная въ этихъ немногихъ словахъ: „елика аще хо-
щете, да творять вамъ человѣцы, тако и вы творите

---

(1) Матѣ. 7, 3.

„имъ: се бо есть законъ и пророцы.“ (1) „Возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе.“ (2) Знаменитѣйшіе изъ законовѣдовъ и моралистовъ, посвятившіе всю жизнь отъискиванію краеугольной нормы справедливости, (Summum principium aequi) приходили невольно къ этой-же самой мысли. Оказалось только, что ихъ формулы, лишенные божественной печати и доведенныя въ послѣднемъ словѣ до *личнаго интереса, чувства самосохраненія, права природной защиты*, отзывались слишкомъ грубымъ, возмущающимъ душу цинизмомъ (3).— Нѣтъ, не въ открытіи перваго всеобъемлющаго закона справедливости состоитъ трудность его примѣненія; она вся въ томъ, что намъ такъ трудно, почти не возможно быть безпристрастными собственными судьями и соразмѣрять наши отношенія къ ближнимъ, по закону взаимнодѣйствія. И въ самыхъ высокыхъ и образованныхъ кругахъ общества, и среди грубаго простоародья, ежедневно, на каждомъ шагу, то и дѣло встрѣчаемъ одно и то же, здѣсь явное, тамъ искусно скрываемое попользованіе обойдти священныя слова Спасителя: *твори ти человекамъ, елика аще хожемъ, да творятъ намъ и возлюбити искренняго, яко себе.*

Въ числѣ обыкновенныхъ путей этаго обхода, безспорно наиболѣе обширнымъ является такъ называемый *Судъ народный*, опозорившій себя столько разъ въ древнихъ и новѣйшихъ *остракизмахъ*, и выразившійся

(1) Матѣ. 7, 19.

(2) Матѣ. 19, 19.

(3) Именно *цинизмомъ*; такъ какъ формулы эти столь-же хорошо подходятъ и ко всему царству животныхъ.

самымъ приснопамятнымъ образомъ въ вопль одар на еврейскаго объ умерщвленіи Единого бывшаго безъ грѣха. „И отвѣщавше вси людіе, рѣша: кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ!“ (1) Вотъ безбожный лозунгъ, искони усвоенный людскою несправедливостью. Очевидно, какъ-то легче сотворить сообща беззаконіе. Отвѣтственность будто раздѣляется и распадается на столь малыя и неуловимыя части, что можетъ быть не достигнеть, и въ самомъ дѣлѣ рѣдко достигаетъ— всѣхъ соприкосновенныхъ. Здѣсь-то существенная опасность общаго приговора. Она до того велика, что въ виду ея очень понятно, если не извинительно, общее почти всему человѣчеству предпочтеніе къ личной расправѣ, и печальная склонность къ разнаго рода *вендеттамъ*.

Само собою разумѣется, что все нами высказанное ни мало не относится къ окруженному вѣковымъ почетомъ и недоступному никакимъ нападеніямъ святилищу Оемиды, коей самъ образъ, по прекрасной мысли древнихъ, представлялся не иначе, какъ съ повязкою на глазахъ. Мы имѣемъ въ виду только народный судъ и общинные приговоры нашихъ сельскихъ *громадъ*, коихъ нынѣ возстановляемое вліяніе обѣщаетъ сдѣлаться столь обширнымъ, и коихъ представители въ рѣдкомъ-рѣдкомъ случаѣ не оказываются неизбежно, такъ сказать, сообща или лично заинтересованными, а потому и не могутъ быть вполне безпристрастными. При самомъ бѣгломъ, даже случайномъ, взглядѣ, не лзя не замѣтить этихъ камней преткновенія, угрожающихъ отовсюду нашему на-

---

(1) Матѣ. 27, 25.

родному самоуправленію. — Расскажемъ здѣсь съ этою цѣлью фактъ, котораго на дняхъ мы были свидѣтелями. Конечно онъ самъ по себѣ можетъ показаться и мало-важнымъ: но онъ важенъ, такъ намъ кажется, потому, что въ немъ проявляется вся сила долгой нашей приказной привычки, и видна та степень юридической подготовки простаго народа, на которой его застаеъ даруемое ему самоуправленіе. Но прежде, вотъ кое-что, можетъ быть не лишнее, на счетъ обстановки самаго факта.

1-го Октября, въ день Покрова Божія Матери, въ мѣстечкѣ Жировицахъ собирается многочисленная сельская ярмарка. Она въ самомъ дѣлѣ очень многочисленна. Единственная здѣшняя большая улица и вся площадь напротивъ церкви и монастыря наполняются народомъ въ такой несоразмѣрности къ пространству, что мирное мѣстечко видитъ даже у себя въ этотъ день полицію и жандармовъ, коихъ соединенныя усилія едва успеваютъ прокладывать дорогу для почтъ и экипажей разныхъ властей. Пользуясь каждымъ подобнымъ случаемъ, приходитъ въ движеніе и безконечная вереница разнокалиберныхъ телегъ; но едва только въ слѣдованіи ихъ произойдетъ малѣйшая остановка, хотъ мгновенное *salutio continuitatis*, какъ опять все покрывается волною пѣшеходовъ, и ярмарочная публика ровно уже не двигается, а что называется колышится на мѣстѣ. И въ этомъ однаковъ буквально безвыходномъ положеніи мать-нужда оказывается изобрѣтательною, не менѣе хитрою на выдумки голи. Такъ какъ телеги нашихъ сельскихъ обывателей, по свойственному имъ распорядку, никогда не устанавливаются стройнымъ рядомъ, а всегда скучиваются какъ ни попало, лишь-бы въ своей

т. е. однодеревенской *компаниі*; то благодаря этой сплошной группировкѣ, разныя предпріимчивыя личности отъ времени до времени пускаются въ воздушное путешествіе по телегамъ. Однакожь этотъ довольно неуклюжій способъ передвиженія представляетъ мало привлекательнаго. Совсѣмъ другое дѣло, когда подгулявшій солдатикъ, или щедушный и легкій какъ перышко еврей, подстрекаемый какою-нибудь невинною спекуляціею, вдругъ понесутся стрѣлой уже не по телегамъ, а по плечамъ и даже по самымъ верхамъ интеллигенціи ярмаркующаго люда. Что тутъ какой-нибудь *Блонденъ*, хотя-бы надъ ніагарскимъ водопадомъ! И здѣсь, подъ стопами безстрашныхъ акробатовъ, шумъ и ревъ не меньше ніагарскаго, но притомъ сколько ругательствъ, проклятій, сколько вешлошь да рядомъ поднимаемыхъ,—и втунъ поднимаемыхъ кулаковъ! А эти со всѣхъ сторонъ раздающіеся: *лови! держи!* ни мало конечно не способствующіе сохраненію равновѣсія! По законамъ физики, одинъ только свѣтъ да электричество быстрѣ звука: такъ нѣтъ-же, выходитъ, что и воздушное странствіе по плечамъ и головамъ ближняго все еще несравненно быстрѣ голоса — покрайней мѣрѣ недосыгаемо всѣмъ его усиліямъ.

Самую ярмарку мы назвали сельскою. Она по справедливости, особенно въ настоящее время, можетъ быть названа чисто-сельскою, хотя и происходитъ въ небольшомъ мѣстечкѣ. Всѣ являющіяся здѣсь произведенія сбыта, или составляютъ строго—деревенскіе продукты, или предназначены къ деревенскимъ потребностямъ и рассчитаны на однихъ только почти крестьянъ. Къ первой категоріи здѣшней покровской ярмарки отнести нужно

въ особенности грибы, сообщающіе, такъ сказать, главный характеръ и всей ярмаркѣ. Въ самомъ дѣлѣ, грибы въ началѣ ярмарки попадаютъ на глаза, едва-ли не на каждомъ шагу: но это статья столь существенно— важна и дорога для православнаго человѣка, что товаръ, не смотря на его изобиліе, мгновенно и какъ-бы самъ собою исчезаетъ съ рукъ. Стоитъ только *пр.* увлечься присущей всеѣмъ покупателямъ слабостью немного поторговаться, и сейчасъ-же возлѣ васъ найдется какая нибудь добродушнѣйшая фигура, которая съ видомъ самаго несомнѣннаго ротозѣя станетъ прислушиваться, какъ это вы и къ чему прицѣниваетесь? — затѣмъ тихомолкомъ отечитавъ, преспокойно кладетъ на ладони продавицы запрошенныя ею деньги, и даже вамъ не поклонившись, удаляется съ достоинствомъ и товаромъ. Подѣломъ вамъ этотъ урокъ. Время тоже деньги, а объявленная бѣдной женщиной цѣна право была болѣе, чѣмъ умѣренна. (!) Тоже самое можно сказать и о другихъ деревенскихъ предметахъ сбыта, постоянно встрѣчающихся на здѣшной ярмаркѣ, какъ-то о сукнѣ и полотнѣ домашняго издѣлья, о простой шерсти и разной деревянной хозяйственной посудѣ. Все это нужно покупать по нарицательной цѣнѣ и торопиться покупкой,

---

(!) Пудъ сушеныхъ грибовъ, въ лѣто, по выраженію тредьяковскаго, *грибовное* стоитъ здѣсь не болѣе 4 рублей и никогда почти не превышаетъ 6-ти; (между тѣмъ какъ извѣстные *Любимскіе* грибы, *Ярославской* губерніи, продаются отъ 20 к. сер. до 1 рубля за фунтъ, на мѣстѣ. Смори статью *А Васькова* въ 36 № *Дня* 1865 г.) — изъ этаго можно заключить: какіе барыши получаютъ еврей—кулаки, скупающіе грибы по здѣшнимъ сельскимъ ярмаркамъ, и отправляющіе болъшею частью во внутреннія губерніи.

а то люди попрактичѣе какъ разъ отобьютъ у васъ товаръ. Вѣдь-же тутъ, въ самомъ дѣлѣ, не гостинный рядъ, и дѣло не съ праздными сидѣльцами и не съ нашими плутами—евреями, столь-же легко заламливающими, какъ и отламливающими свои *самыя—крайнїя* цѣны.

Просимъ не забывать, что все это народъ солидный, пришедшій изъ дальней смиренной веси, и всю дорогу разсчитывавшій до послѣдней копѣйки, не только стоимость своего товара, и что за выручку его приобрести себѣ на ярмаркѣ, и сколько прибережетъ въ остаткѣ на черный день,—но даже самый сортъ монеты, какую долженъ будетъ положить на руку покупатель! Съ подобными людьми возможно-ли и позволительно-ли еще торговаться? Да вы ихъ этимъ только сбиваете съ толку, какъ сбиваете съ толку уже тѣмъ, если вмѣсто серебра и мѣди, предлагаете имъ кредитные билеты. Ну кто-же ихъ знаетъ, не фальшивы-ли они? и не изъ числа-ли тѣхъ, про которые говорятъ, что они даже не деньги, и что самая-то бумага на нихъ ни чуть не дороже той, на какой и всякая этакая дурь пишется—конечно тѣми, кто ужъ грамотѣ гораздъ!

Слѣшимъ однакожъ оговориться, что изображаемая нами патріархальная сторона относится только къ скромнымъ нашимъ сельскимъ представительницамъ. Братья ихъ и сожители—нужно имъ отдать эту справедливость—не только въ сноровкѣ торговаться, но и въ умѣнѣ пользоваться минутой и самой даже наружностію покупателя, конечно и теперь уже не уступать своимъ вчерашнимъ еще паставникамъ—евреямъ. Крестьяне наши на этомъ полѣ уйдутъ современемъ далеко: это почти безошибочно предсказать можно.

Оказывается даже, что знаменитая еврейская *конкуренція*, если кому-кому, такъ имъ вотъ и вовсе не страшна. Они какимъ-то инстинктивнымъ чутьемъ, или можетъ быть просто по счастью, съ разу набрали на величайшій секретъ промышленнаго міра, который (т. е. секретъ) сейчасъ-же съ величайшимъ успѣхомъ почти повсемѣстно примѣнили къ евреямъ, именно: секретъ мрачнаго, безстрастнаго, исключительно — альбіонскаго достоинства. Въ самомъ дѣлѣ, чаркою ужъ теперь нашего крестьянина не проймешь. Откуда-то взялась у него амбіція: не выпьетъ, пока не сторгуется, не пересчитаетъ нѣсколько разъ денегъ, не завяжетъ ихъ въ узелокъ и не спрячетъ въ калиту; а до тѣхъ поръ стоитъ неподвижно, какъ статуя, при своей телегѣ, и объявивъ какимъ-то равнодушнымъ почти гнѣвнымъ тономъ цѣну, не посмотритъ даже въ сторону покупателя. Чего же — бы еще: вѣдь настоящая англійская флегма. Она всего страшнѣе для нашихъ говорливыхъ евреевъ. Какъ тутъ и съ которой стороны пристать къ этому глухому какъ камень, и въ добавокъ даже отъ чарки заколдованному человѣку! Евреи пускаютъ еще въ ходъ, но какъ-то уже перѣшитительно, прежнюю свою тактику дружеской побранки, насмѣшки, пожимающа плечами, притворнаго удивленія „и даже купческаго паѳоса, въ родѣ *nr.* восклицаній—„что ты, безъ души? человѣкъ!—убойся Бога, и не смѣши людей, голубчикъ!—“ и т. п.; въ крайнемъ наконецъ случаѣ прибѣгаютъ обыкновенно къ стачкѣ, и все будто отступаютъ. Но когда крестьянинъ, покрывшая, да *сантиментально* извиняясь предъ своею лошадкой — что она никакъ *чисто* (1) моль соскучилась

(1) Совсѣмъ, провинціализмъ.

бѣдняжка среди этихъ оборванныхъ нехристей—преспойно начинаетъ поворачивать оглобли, противъ этого убійственнаго маневра не въ силахъ уже устоять терпѣнье даже и стакнувшихся сыновей жаркаго востока. Разумѣется они даютъ себѣ слово, и сдерживаютъ его, конечно, наверстать свои убытки съ лихвою при первой возможности; но эта месть и ея послѣдствія упадаютъ только на другихъ, ни въ чемъ неповинныхъ: такъ какъ около самыхъ-то крестьянъ пожива небольшая. Имъ едва-ли что нужно изъ городской лавки, и ничего почти изъ обыкновенныхъ ремесленныхъ издѣлій евреевъ: вотъ почему (теперь именно когда другіе классы покупателей столь значительно уменьшились или оскудѣли) вполне понятно это пламенное и неудержимое стремленіе нашихъ почтенныхъ космополитовъ къ внутреннимъ губерніямъ Имперіи. Здѣсь тоже въ своемъ родѣ: *Drang nach Osten!* протекающій изъ столь-же чистаго и благороднаго источника.

До какой степени нашъ крестьянинъ независимъ отъ городской еврейской торговли, убѣдительно можетъ засвидѣтельствовать хотя-бы здѣшняя покровская ярмарка, на которой запасается онъ, на круглый годъ, едва-ли не всѣмъ необходимымъ, какъ-то: солью, сушеной рыбой, разной домашней деревянной посудой, колесами, липовыми лыками, да великороссійскими нагольными тулупами и полушубками. Всѣ эти статьи продаются, слава Богу, своими-же православными собратами, такъ что на долю евреевъ приходятся однѣ только шапки, да развѣ еще кое-какія мелочи женскаго убора. Липовыя лыки привозятся здѣсь въ огромномъ количествѣ, (дважды въ году, каждый разъ не менѣе 100 повозокъ)

и расходятся что называется на расхватъ. Борисовскіе, Бобруйскіе и Игуменскіе лѣса издавна снабжаютъ все окрестныя уѣзды, какъ Минской, такъ и пограничныхъ губерній, этою допотопною обувью. Она конечно на первыхъ порахъ довольно уютна, но далеко не прочна, и не говоря уже о ея безобразіи, отнимаетъ много времени при самомъ употребленіи. Дѣйствительно ежедневная возня съ лаптями составляетъ для нашего крестьянина почти что серьезное занятіе. А сколько при томъ погибаетъ дорогихъ молодыхъ лицъ! Еврейскіе лѣсопромышленники, наследственно опустошающіе выше названныя лѣса, имѣютъ еще, въ видѣ добавочной статьи, исключительное право и на выдѣлку лыкъ—и конечно пользуются своимъ правомъ, не слишкомъ соображаясь съ законами экономіи лѣсоводства. Удивительно-ли что и пчеловодство страны въ постепенномъ упадкѣ?—

Послѣ лыкъ, всего болѣе расходится здѣсь кожуховъ и полушубковъ (тѣхъ и другихъ вмѣстѣ продается въ одинъ день около 1,000 штукъ). Монополія этой продажи, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ остается за Слонимскимъ купцомъ Алексѣемъ *Хоминымъ*, поселившимся въ Слонимѣ съ давнихъ лѣтъ и всеми запросто называемымъ: *Алексѣвымъ*. Добрый и привѣтливѣйшій—даже между купцами—А. А. Хоминычъ не обижается вовсе этой невинной небрежностью адреса—и дѣлаетъ прекрасно. Въ самомъ дѣлѣ, въ прежнее время являлись здѣсь представители разныхъ московскихъ купеческихъ фирмъ: какъ-то братьевъ Муравьевыхъ, Мухоминыхъ—да непремѣнный старикъ *Рубцевъ*—какъ *маминьку кохамъ!* напоминавшій какъ-то невольно

своей поговоркой великолѣпнаго: *Пане—коханку* (1). Балаганы ихъ, отличавшіеся хорошимъ качествомъ и разнообразіемъ товаровъ, устраивались за долго до ярмарки и привлекали еще нѣсколько дней послѣ ея окончанія многочисленныхъ окрестныхъ покупателей, оглашаясь по вечерамъ и цѣлымъ даже ночамъ веселыми пѣснями заѣзжихъ торговцевъ. А теперь вотъ А. А. Хомиць, съ достойнымъ своимъ сыномъ Тимофѣемъ Алексѣевымъ, всего на все въ двоемъ, устроивъ на скоро плохенькій шалашъ, да сочинивъ въ немъ прилавки, едва съ сверхъ человѣческимъ напряженіемъ рукъ и глазъ успѣваютъ передавать тулуны требователямъ, да услѣдить за примѣряющими, въ числѣ коихъ, ужъ кончено, попадаютъ и диллетанты. Примѣрка и выборъ такого важнаго и въ самомъ дѣлѣ дорогаго для крестьянина наряда дѣло вовсе не шуточное и не можетъ же быть покончено въ какія-нибудь двѣ—три минуты. Тутъ не довольно надѣть на себя обновку да сей часъ и выложить за нее деньги купцу: нужно-же посмотрѣться, поогладиться, позволительно-же хоть два три раза въ жизни, (дѣйствительно такихъ случаевъ не наберется больше въ жизни простолюдина) пощеголять и попавлиниться не множко, и предъ сожительницею, и предъ сосѣдомъ, ну хотя-бы и предъ сторонними, спрашивая будто ихъ добраго совѣта.

Между тѣмъ время кипитъ, ярмарка стоитъ всего одинъ день, а отъ напора покупателей угрожаетъ вотъ даже опасность хилому прилавку. Еслибы не старинный вполне заслуженный авторитетъ А. Алексѣева,

(1) Извѣстный князь Карлъ Радзивилль.

если-бы не многоуважаемое его слово, и прибавимъ еще, если-бы не давняя сноровка достойнаго его сына, то обѣимъ сторонамъ т. е. и покупателямъ и торговцу пришлось-бы оставаться почти что ни при чемъ. Но г. А. Хоминъ обладаетъ столь вѣрнымъ глазомѣромъ, что по первому взгляду на покупателя, тотъ часъ-же отыщеть и подастъ ему именно *въ самую пору* и какъ-бы *нарочно* для него сшитый и привезенный кожухъ. Если-же озадаченный и обрадованный такимъ сюрпризомъ простолюдинъ выказываетъ при этомъ свое чистосердечное, но бесплодное и сопряженное съ потерей времени удивленіе, г. Хоминъ предоставляет *Митя во всемъ прочемъ удостовѣрить г. покупателя*. Затѣмъ Митя весь запудренный мѣломъ (которымъ пересыпаются кожухи) въ двѣ-три секунды является въ двукратномъ преобразеніи, т. е. въ тулупѣ надѣтомъ лицомъ и на изнанку: при чемъ — вотъ ужъ подлинно удивительна доброта зрѣнія и сила легкихъ молодаго человѣка — не только не моргнетъ глазомъ и за пудрой не потеряетъ изъ виду ни одного изъ гостей, но никогда даже не закашляетъ. Отецъ между тѣмъ продолжаетъ выкидывать на прилавокъ все новые и новые тулупы, изъ коихъ каждый приходится какъ разъ *въ пору и мѣру* покупателю, и замѣтте, всю эту *безошибочную* и безконечную операцію долженъ производить одною лѣвою рукою, такъ какъ правая постоянно занята сниманіемъ картуза, сопровождаемымъ самымъ вѣжливымъ поклономъ, да *моимъ вамъ почтеніемъ*, отпускаемыми преисправно и порознь каждому новому посѣтителю, подходящему къ прилавку. Съ очень многими дружелюбнѣйшей А. А. успѣваетъ даже перецѣловаться, и то на всѣ три темпа. Ужъ какъ

во всемъ этомъ онъ умудряется, подлинно и теперь недоумѣваемъ. Описываемъ-же самый процессъ съ такою щепетильною подробностью потому, что онъ происходитъ ежегодно на нашихъ глазахъ: такъ какъ ярмарочная лавка А. А. Хомина приходится именно противъ нашихъ оконъ. Да вообще жителямъ здѣшняго мѣстечка въ покровъ день только и остается, что пассивная роль наблюдателей. Они (т. е. жители) претерпѣваютъ всѣ ужасы не только осаднаго положенія, но даже уличной революціи. Дома ихъ забарикадованы, всѣ заборы кругомъ трещать отъ напора толпы и лошадей; пѣшеходы въ родѣ упомянутыхъ уже нами свободно странствующихъ даже по капитальнымъ пунктамъ *гуманности*, то и дѣло шныряютъ по огородамъ, садикамъ и цвѣтникамъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то обстоятельство, что тюльпаны и другія нѣжныя луковки уже пристроены на зимовку съ соблюденіемъ всѣхъ указаній г. *Вагнера*; наконецъ, въ довершеніе горя, вся прислуга съ самаго ранняго утра ушла на ярмарку. Рассказывается при парижскую прислугу, въ оное время (т. е. пока Неполеонъ III не перестроилъ Парижа, какъ геніальный артиллеристъ), что отправляясь *на революцію* не преминула она бывало каждый разъ просить хозяевъ: „пообойтись какъ-нибудь безъ нея *только до вечера*, пока все это тамъ, что ни на есть нужное, не устроится, какъ слѣдуетъ“—такая опредѣлительность и безспорная умѣренность срока, при очевидной громадности самаго дѣла, и столь деликатное отношеніе къ правамъ хозяевъ, составляли во всякомъ случаѣ для этихъ послѣднихъ немаловажное утѣшеніе. Здѣшняя-же жировицкая прислуга отправляется на яр-

марку не только безъ всякой общественной нужды, и безъ доклада, а не затворивъ даже за собою дверей кухни, не то чтобы воротъ.—Такъ, моль, и оставайтесь уже, какъ знаете!—И въ самомъ дѣлѣ, присмотръ за дѣтьми, вся *забота дневи* остается на приготовленной уже къ этому дню и безропотной хозяйкѣ: на долю-же домостроителя вынадеетъ чисто—созерцательный трудъ (отъ котораго впрочемъ не уклоняются здѣшніе обыватели) посматривать попеременно то въ то, то въ другое окно, и прилежно наблюдать ярмарку.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ лежащей на насъ обязанности и по примѣру прежнихъ лѣтъ, должны мы были проводить и вновь минувшій покровъ—день. Да, не осудите, вѣдь и мышъ соскучивается наконецъ грызеньемъ хотябы самаго ученѣйшаго фоліанта и этому обстоятельству можетъ быть болѣе обязаны все наши архивы и библіотеки, чѣмъ всей бдительности и новымъ хваленымъ порядкамъ гг. хранителей. Такъ непростительно-ли въ свою очередь и какой-нибудь старой книжной моли, соскучившейся въ темнотѣ и набившей себѣ оскомину печатнымъ, выглянуть на божій свѣтъ, когда предъ самыми-то глазами лежитъ развернутой живая книга, да еще какая?

Вотъ-же и мы преспокойно были углублены въ ея чтеніе и вполне предавались новому для насъ удовольствію, какъ вдругъ, въ одинъ изъ самыхъ интересныхъ моментовъ, вниманіе наше было развлечено довольно рѣзкимъ и печальнымъ контрастомъ. Неумолкаемый многотысячный говоръ сливался вообще въ какой-то стройный гулъ веселаго оттѣнка: вокругъ маскированныхъ одними только закусками распивочныхъ столовъ, (бочен-

ки со все́ми своими *аксессуарамн*, не знаемъ по чему, заблагоразсудили на этотъ разъ сохранять строгое *incognito*, (1) группы посѣтителей то и дѣло обнимались, цѣловались, ссорились, легка чтобы мириться, и въ слѣдъ затѣмъ, пили за свое здоровье, за родныхъ, за отсутствующихъ, и наконецъ, тихо всхлипывая, за покойниковъ. Ужъ такая душевная вообще славянская натура: лишь только рѣчь сойдетъ на доблестныхъ предковъ, какъ слезы такъ и льются, а рука сама собою вотъ такъ и тянетъ къ чаркѣ.

И здѣсь - то именно нужно было замѣшаться примѣченному нами контрасту. Промежъ этихъ самыхъ столь шумныхъ и сіяющихъ довольствомъ группъ—пробирались медленно, апатично, молчаливо—словно три какія-то блуждающія тѣни—три бѣдныя и жалкія еврейскія фигуры, до того отмѣченныя горемъ, что при одномъ ихъ видѣ болѣзненно уже сжималось сердце. Злополучныя эти существа, двигавшіяся какъ-бы не по своей волѣ, съ поникнутой головой и понуренными въ землю глазами, тѣмъ достойнѣе казались состраданія и братской милостыни, что не вымаливали ее нахально, на подобіе нашихъ крикливыхъ нищихъ и не протягивали рукъ: а напротивъ какъ-бы въ урокъ своимъ празднымъ христіанскимъ собратамъ, тщательно собирали по землѣ, то ключья шерсти, далеко разносимыя вѣтромъ изъ балагана А. А., то разныя оброненныя лоскутки и лохмотья, то перышки, кѹсочки посуды, или даже просто остатки валяющагося повсюду сѣна и соломы. Весь

---

(1) Ужъ не по явной-ли близости монастырской ограды наблюдалось это мнимое *incognito*?

этотъ разнокалиберный хламъ убогіе и трудолюбивые тряпичники—они очевидно были тряпичники—бережливо сортировали и укладывали въ старые дырявые мѣшки, которыхъ каждый изъ нихъ два-три имѣлъ подъ мышкою. За границей, гдѣ каждая какъ-бы ни ничтожная по видимому мелочь имѣетъ свою спеціальность, да можетъ быть и у насъ по многолюднымъ городамъ, подобное ремесло конечно не безприбыльно: но здѣсь въ глуши—нищіе наши совершенно правы—христарадничанье повѣрнѣе. Намъ нравилась однакожъ сама по себѣ такая муравьиная кропотливость, и мы сочли—да навѣрно не мы одни—своимъ прямымъ долгомъ поспѣшить, по возможности, навстрѣчу этой честной и трудолюбивой бѣдности. Отворивъ окно, съ нашей великодушной копѣйкой въ рукѣ, мы только недоумѣвали еще, какимъ образомъ, за ярмарочнымъ гуломъ, заявить о своемъ намѣреніи и привлечь вниманіе бѣдняковъ?—какъ вдругъ сцена нечаянно перемѣнилась. Шедшій впереди старикъ—ветошникъ, повидимому избѣгая давки, именно въ это время приблизился и боязливо прижался къ одной брестыанской телегѣ, съ которой, увы! мигомъ стащилъ и спряталъ въ мѣшокъ случившуюся подъ рукою сермягу: два-же его *Сателлита*, точно также спасавшіеся отъ напора людей, растопыривъ руки и естественно при томъ раздвинувъ широкія полы своихъ кафтановъ, составили столь непроницаемая сподручныя ширмы, что совершенно закрыли бѣглую *Манипуляцію* своего начальника. Если-же она не ускользнула отъ насъ, такъ это отнюдь не по тому, чтобы мы, въ качествѣ безмятежнаго сторонняго зрителя, претендовали на какое-то особенное, вѣщее противъ всѣхъ

гг. посѣтителей здѣшней ярмарки, ясновидѣніе; нѣтъ, Боже сохрани! а единственно по тому, что — выражаясь по ученому — занимаемый нами обсерваціонный пунктъ приходился ваше уровня ярмарки, и благопріятствовалъ именно наблюденію явленія, въ данный моментъ. Самъ-же этотъ моментъ до того былъ мгновеньемъ, а дальнѣйшее шествіе трехъ бѣдняковъ продолжалось опять такъ апатично, что мы первые, можетъ быть, усомнились-бы въ дѣйствительности факта, если-бы непомѣрно увеличившійся объемъ мѣшка подъ рукою старика не указывалъ, такъ сказать, осязательно на самый *corpus delicti*.

Какъ-бы то нибыло, послѣ нѣкотораго извинительнаго съ нашей стороны колебанія, убѣдившись окончательно, что намъ только однимъ далась печальная честь подмѣтить вора — такъ какъ окно было уже отворено; то мы рѣшились подозвать церваго изъ ярмарочныхъ гостей, какого удалось остановить, и рассказали ему о случившемся, съ указаніемъ на удаляющуюся очевидно за одно дѣйствующую шайку еврейскихъ мазуриковъ. Слушатель нашъ самъ-же отрекомендовавшійся намъ и чиновнымъ, (онъ назвалъ себя, помнится, *добросовѣстнымъ* т. е. *судьей*) легко скликалъ помощниковъ, и вмѣстѣ съ ними, скоро и проворно, но притомъ безъ всякаго шума, (что свидѣтельствовало повидимому съ хорошей стороны о его распорядительности) настигъ вора, котораго и задержалъ съ поличнымъ. Но слѣдовало-бы очевидно, если не привлечь къ отвѣтственности, то по крайней мѣрѣ допросить и товарищей по ремеслу. Однакожь этаго не сдѣлано, а на мѣсто происшествія т. е. къ телегѣ, изъ которой похищена сермяга, приведенъ

быль только одинъ старикъ. Онъ, какъ слѣдовало того ожидать, и не думалъ сознаваться въ кражѣ, а стоялъ на своемъ, что бывшая при немъ сермяга куплена имъ у обносившаго ее по ярмаркѣ какого-то человѣка, которымъ — кому-же объ этомъ знать? — ну, можетъ быть она и украдена!

— „Кому объ этомъ знать? Смѣешь спрашивать еще, окаянный! — возвысилъ тутъ голосъ нашъ *добро-совестный* — „а вотъ кому знать! тому кто видѣлъ, не бось, и тебя мошенника, и твое мошенничество! кто не былъ пьянъ, такъ какъ этотъ болванъ хозяинъ сермяги, спавшій на телегѣ, да и теперь еще, словно котъ, поморгивающій глазами! — тотъ кто вотъ и теперь смотритъ на насъ изъ окошка — батюшка — отецъ — священникъ! дай Богъ ему здорвье!“

Такъ какъ при этой выходкѣ всѣ глаза къ намъ обратились; то разумѣется мы поспѣшили затворить окно и уклониться отъ угрожающей оваціи. Однакожъ насъ продолжала интересовать дальнѣйшая судьба и самая развязка этаго юридическаго вопроса. Помѣстившись затѣмъ у окна, такъ чтобы уже не вызывать и не привлекать на себя вниманія, мы стали слѣдить за ходомъ нашей сельской расправы.

Прежде всего, очень неприятно поразило насъ то обстоятельство: что старика дряхлаго, не имѣвшаго никакой физической возможности ни бѣжать, ни сопротивляться, крѣпко на крѣпко опутали веревками и въ добавокъ привязали къ телегѣ. Всѣ прохожіе останавливались посмотреть на вора.

Вѣдь очень любопытно! Однакожъ видъ исхудалаго, тощаго какъ скелеть старика, не советѣмъ, казалось, удо-

влетворялъ.—„Ахъ! старый дьяволъ! ему-ли еще воровать!—говорили люди сострадательные—„ему-бы думать „только о смерти!“

—Или, можетъ быть, о кускѣ хлѣба для голодающей семьи!—думали мы въ свою очередь—кто знаетъ, поспѣй я передать ему эти копѣйки, доселѣ еще праздно у меня валяющіяся въ рукѣ, можетъ быть отвлекъ-бы я и спасъ человѣка отъ преступленія!

Эта тягостная мысль ужъ ни за что насъ не покидала. И старику—еврею очевидно не легко было выносить людскіе взоры и пересуды. Онъ присѣлъ къ землѣ и укрылъ такимъ образомъ покрайнѣй мѣрѣ свое лицо за повозкой.

Между тѣмъ группы, собиравшіяся около виновнаго безпрестанно перемѣшивались, мѣнялись одна за другой, и вскорѣ мы могли убѣдиться наглядно: что слова: *круговая порука, братство, солидарность*, вѣдь не однѣ только громкія и модныя фразы, какъ намъ это доселѣ все сдавалось.

Въ числѣ подходившихъ взглянуть на вора, будто по одному только любопытству, начали являться и евреи. Они обыкновенно обмѣнивались съ узникомъ или нѣсколькими словами, или однимъ только значительнымъ взглядомъ и не останавливались почти при повозкѣ; съ одной стороны можетъ быть потому, чтобы не подвергать себя насмѣшкамъ и упрекамъ нашего простаго народа, съ другой стороны—и это вѣрнѣе—потому, чтобы не теряя по напрасну времени, заняться между тѣмъ болѣе дѣйствительнымъ образомъ судьбою собрата.

Главную пока ихъ заботою было — какъ оказалось впоследствии — помѣшать, чтобы дѣло это какъ нибудь

не перешло на разсмотрѣніе полиціи, и не очутилось, Боже сохрани, въ рукахъ жандармовъ.

Съ этою цѣлью, учредили они по обѣимъ сторонамъ улицы свои бдительные караулы, которыхъ обязанность состояла въ томъ: чтобы, едва завидѣвъ полицейскихъ или жандармовъ, задерживать ихъ подъ разными выдуманнными предлогами, и отводить какъ можно подалеже въ противоположную сторону.

Между тѣмъ не прошло, можетъ быть, какихъ-нибудь десяти минутъ, и вотъ главными лицами наиболѣе ораторствовавшими въ числѣ судившихъ и рядившихъ вокругъ телеги, оказались два смуглые солдата, оба украшенные шеврономъ, но притомъ съ этими отличительными восточными чертами, какія сходятся только, иногда довольно даже загадочно, въ физиогноміяхъ нашихъ черкесскихъ и еврейскихъ солдатъ. Ораторы эти то и дѣло посмѣивались надъ воромъ, угрожали ему вполне заслуженною висѣлицею, отзывались что, ничего такъ не желали-бы, какъ имѣть его въ своихъ рукахъ и преподать ему добрый военный урокъ—между тѣмъ, перемигивались значительно съ державшими передовую рѣчь крестьянами, раздавали имъ цыгары и папироски, нашептывали кое-какіе дружескіе совѣты, и наконецъ, ужъ не знаемъ навѣрно какъ, во имя-ли челоуколюбія или самовѣрнѣйшаго расчета, предложили судьямъ: вмѣсто того, чтобы долго возиться съ воромъ, *пропить сейчасъ-же его проклятую шкуру*. Неожиданное это полушуточное полусерьезное предложеніе вызвало общій смѣхъ, среди котораго слышались и несомнѣнные знаки одобренія. Тогда ораторъ, во избѣжаніе бесполезной уже дальнѣйшей огласки, приказалъ развязать вора, объ-

явилъ ему грозно и во всеуслышаніе: что онъ его арестуетъ и велѣлъ слѣдовать за собою *по принадлежности*. (т. е. въ кабакъ.) Вся честная компанія, окружавшая телегу, повалила тудаже.

Описываемъ столь прагматически самую загадочную фазу этого маленькаго событія, разумѣется уже на основаніи и по соображеніи данныхъ узнанныхъ нами только впоследствии. Въ самый-же моментъ дѣйствія, когда мы могли догадываться только приблизительно о всемъ на нашихъ глазахъ происходившемъ и дѣлать свои выводы только по отрывочнымъ фразамъ да возгласамъ, до насъ доходившимъ, искренно сознаемся, что на равнѣ съ прочими зрителями и мы раздѣляли то невинное убѣжденіе: что вотъ воръ-то наконецъ, подъ надежнымъ конвоемъ, въ сопровожденіи свидѣтелей и обличителей, отправленъ по порядку въ подлежащую гегемонію.

Удивительно-ли послѣ того, что многіе и изъ записныхъ *очевидцевъ* произшествій, печатающіе свои *замѣтки, мемуары, историческія очерки*, (кстати къ этой категоріи въ особенности отнести-бы нужно и *нашихъ* господъ газетныхъ корреспондентовъ) столь нерѣдко попадаютъ въ просакъ, въ которомъ подите—ка попытайтесь хоть слегка ихъ поразувѣрить?

Намъ однакожь не было суждено оставаться долго въ нашемъ заблужденіи. Спустия какіе нибудь два-три часа вотъ подошелъ къ нашему окну тотъ-же самый *добросовѣстный*, не вполне уже добросовѣстно сохранившій равновѣсіе, но за то въ приличномъ сознаніи своей власти маленько подбоченясь, и сталъ насъ благодарить, отъ имени всей громады, да никакъ и цѣлой покровской ярмарки—за *высмотрѣніе* вора.

—Право, не стоило беспокоиться г. добросовѣстный! чтоже вы наконецъ сдѣлали съ этимъ старымъ хрѣномъ?

Да ничего то есть,—значить, батюшка, такого особеннаго. Нанугали порядкомъ, *обитрафовали*, на сколько было можно, да и отпустили *на безголовье!* (1)

—Представляли конечно въ полицію?

—Ну, что вы это, батюшка! Да у него всего на все за душею только и было что два цѣлковика! Мы его осудили да и покарали сами, судомъ *громадскимъ*. Понимаете-ли? батюшка.

—Понимаю, но кто-же засѣдалъ въ этомъ судѣ?

—Я, батюшка—да нашъ *выборный*—да *сборщикъ* податей—да все кто былъ постарше изъ нашего села. А на *консоляцію* такъ случилось, что и самъ г. старшина какъ-то по пути *потрафилъ*.

—Вотъ какъ! такъ была и *консоляція?* (2)

(1) Или, какъ говорится еще, *за все головы, т. е. на все четыре вѣтра. Проваливайся онъ гдѣ нибудь на другомъ мѣстѣ!*

(2) Слово оставшееся отъ прежняго обыкновенія здѣшнихъ церковныхъ братствъ, устраивать попойку послѣ каждаго богослуженія, въ которомъ участвовало братство со своими свѣчами. Намъ очень хорошо памяты подобныя *консоляціи*. Вообще для людей знакомыхъ со всею прежнею дѣятельностью здѣшнихъ сельскихъ братствъ, никогда не имѣли серьезнаго значенія тѣ идеальныя и восторженныя похвалы, которыя, съ чьей-то легкой руки, сыпались безъ разбора на братства, при чемъ самыя даже ихъ *консоляціи* уподоблялись первохристіанскимъ агапамъ—Спросите любаго изъ опытныхъ нашихъ сельскихъ священниковъ, и каждый вамъ скажетъ: что прежнія братства (про теперешнія, особенно про городскія, при новомъ ихъ складѣ и уставѣ, разумѣется здѣсь не можетъ быть и рѣчи) едва-ли не на столько—не болѣе соотвѣтствовали

—Да какъ-же, батюшка. Вѣдь воровскія деньги никому-бы въ прокъ не пошли; такъ вотъ громада поразсудила: тутъ-же и пропить ихъ до послѣдняго гроша. Чтобы вору, моль, была острастка!

—Что тутъ и говорить, просто Соломоны! Оштрафовали въ пользу кабака, да ради *консоляціи*.

—*Кабака*, Ваше Преподобіе, теперь уже не полагается: а есть оно *акцизное управленіе*.

—Ну, вотъ и спасибо за урокъ. Да думаете-ли, братцы, что отпущенный вами воръ съ товарищи не догадаются сей часъ-же стащить другую сермягу и наверстать себѣ свои два цѣлковика?

—Такъ ихъ опять *обштрафуютъ*—ей ей-же обштрафуютъ!

—Сомнительно. Тутъ еще вопросъ: найдется-ли довольно досужный и столь мало знающій вашу расправу человѣкъ, который захочетъ сторожить пьяныхъ и предавать вора на судъ такихъ-же о пьянствѣ только помышляющихъ *добросовѣстныхъ*?

Вы *этакъ*, батюшка, не говорите. Тутъ, кромѣ меня былъ и *выборный* и *сборщикъ* и самъ г. *старшина*,—значить не какіе-нибудь то есть пьяницы, а все волостныя власти. По положенію, не хватало только что

своей цѣли, и приносили существенной пользы храмамъ божіимъ, на сколько и церковные подсвѣчники, либо паникадила; самыя-же *консоляціи* были просто возмутительнымъ пьянствомъ, сопровождаемымъ всѣми его послѣдствіями.

Повидимому и наша высшая Администрація съ этой стороны посмотрѣла на прежнюю ничтожность сельскихъ братствъ—когда, независимо отъ нихъ, сочла необходимымъ учрежденіе *церковныхъ совѣтовъ*—которымъ вотъ, кажется, и пора-бы уже, можетъ быть, заговорить за себя?

одного *писаря*. Да ему-то въ громадскій судъ и соватся не за чѣмъ. Тутъ и безъ приговора можно.

—Противъ установленныхъ властей, г. *добросовѣстный*, я и не закиваюсь. Но такія власти не заставляють-же въ кабакъ, не штрафуютъ въ свою пользу воровъ, не упускають изъ рукъ шайки злодѣевъ, и не жертвуютъ такимъ образомъ, для подлой дешевки и удовольствія мертвецки напиться, общимъ спокойствіемъ и безопасностью. А вашему громадскому суду, и тебѣ первому, любезнѣйшій, знаешь ли, какое-бы теперь прилично было мѣсто? Да тамъ именно, гдѣ слѣдовало-бы отвести мѣсто упущенному вору и его сообщникамъ!

—Такъ вотъ-же и я вамъ скажу, отецъ духовный—отвѣтилъ г. *добросовѣстный*, надѣвая шапку—что это, съ позволенія сказать, не ваше дѣло. На то у насъ есть свое начальство, т. е. господинъ *мировый*, которому за всякое обидное волостнымъ властямъ слово, вотъ намъ недавно объявленъ сторожайшій приказъ, должны мы непременно сей часъ-же жаловаться, чтобы назначень былъ штрафъ, арестъ и особливое еще наказаніе.

—Ну ладно братъ; задерживать не смѣю. Въдь сказано *сей часъ*, а ты вотъ уже и *по дорожному*. Прощай.

—Стоить-ли, послѣ того, спрашиваемъ въ заключеніе нашего добраго читателя, смотрѣть на ярмарку, хотябы только въ окно?

И какъ будто слышимъ его *благосклонный* отвѣтъ:

—„Отчего-же не посмотрѣть, можно; но ужъ зачѣмъ-же „еще и отворять окно?“

—Совершенно справедливо!

Протоіерей *Пл. Янковскій*.

IV.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продолженіи изданія Литовскихъ епархіальныхъ вѣдомостей въ будущемъ 1866 г.

Литовскія епархіальныя вѣдомости имѣютъ и здаться и въ 1866 году; въ нихъ, соотвѣтственно утвержденной Св. Синодомъ программѣ, будутъ сообщаемы:

1) Распоряженія правительственныя — высшія и мѣстныя, относящіяся ко всей Литовской епархіи, или къ значительной ея части;

2) Извѣстія о новыхъ учрежденіяхъ въ Православной Церкви, о перемѣнѣ высшихъ правительственныхъ лицъ духовнаго вѣдомства, о наградахъ и благодарности — Высочайшихъ, отъ Святейшаго Синода и Епархіальнаго Начальства по Литовской Епархіи;

3) Увѣдомленія о назначеніи и увольненіи должностныхъ лицъ по епархіальному и духовно-учебному вѣдомствамъ Литовской Епархіи, о праздныхъ священно и церковно-служительскихъ мѣстахъ, объ открытіи новыхъ приходоу или упраздненіи существующихъ;

4) Свѣдѣнія объ особенно-замѣчательныхъ событіяхъ въ Литовской епархіи, — а также въ другихъ епархіяхъ, если эти событія могутъ быть полезны

или для соображенія, или какъ примѣръ по Литовской епархіи;

5) Извлеченія изъ годовыхъ экономическихъ и статистическихъ отчетовъ по разнымъ мѣстамъ духовно училищнаго и епархіального вѣдомствъ;

6) Слова и рѣчи, произнесенныя духовными особами по особымъ случаямъ; лучшія изъ поученій священно служителей мѣстной епархіи и воспитанниковъ мѣстной Семинаріи;

7) Описаніе по частямъ всего, что въ епархіи есть особенно замѣчательнаго касательно историческихъ лицъ, событій и церковныхъ древностей;

8) Граматы, акты и другіе замѣчательные документы на русскомъ языкѣ или въ переводѣ на оный, относящіеся къ монастырямъ, церквамъ, духовенству и проч. Литовской епархіи;

9) Очерки народныхъ нравовъ и обычаевъ, относящихся къ религіозной сторонѣ, и народныхъ суевѣрій, препятствующихъ успѣхамъ вѣры и народнаго благочестія;

10) Краткія библиографическія свѣдѣнія о книгахъ и изданіяхъ, относящихся къ Церкви, вновь выходящихъ и прежде вышедшихъ на русскомъ или иноземномъ языкѣ, — имѣющихъ особенный интересъ для края по мѣстнымъ обстоятельствамъ, и извлеченія изъ этихъ книгъ.

Литовскія Епархіальныя вѣдомости будутъ издаваться отдѣльными номерами — по два номера въ мѣсяць; объемъ каждаго номера — до двухъ листовъ,

а въ случаѣ надобности — и болѣе; форматъ — въ 8 долю листа.

Цѣна годовому изданію *пять рублей* съ пересылкой во все мѣста Россійской Имперіи.

Подписка принимается *въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей при Литовской Духовной Семинаріи—въ Вильнѣ*, куда могутъ посылать свои требованія и Гг. иногородные подписчики, ясно обозначая свое званіе, имя, фамилію и мѣсто жительства.

Редакція Литовскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей вмѣстѣ съ симъ приглашаетъ ревнителей о благѣ отечественной Церкви, особенно духовенство Епархій Литовской, Витебской и Минской, присылать свои статьи для помѣщенія въ Вѣдомостяхъ, соотвѣтственно содержанію выщепрописанной программы.

Редакторъ Ректоръ Семинаріи, *Арх. Іосифъ*.

СОДЕРЖАНІЕ 21 N.

I. Высшія правительственныя распоряженія: о порядкѣ увольненія въ отпускъ Еп. Архіереевъ и проч.,—о предоставленіи Еп. Архіереямъ самимъ увольнять окончившихъ курсъ семинаристовъ изъ дух. званія;—о предоставленіи церк. причтамъ самимъ отсылать кошелековыя суммы въ кредитныя учрежденія;—о порядкѣ увольненія въ отпускъ за границу лицъ дух. званія;—о предоставленіи Еп. Архіереямъ права самимъ разрѣшать постриженіе желающихъ въ монашество. II. Мѣстное распоряженіе о выпискѣ Лит. Еп. вѣдомостей на 1866 годъ. III. Крестьянская правда (изъ записокъ сельскаго священника) Прот. Пл. Янковскаго. IV. Отъ редакціи—объявленіе объ изданіи вѣдомостей и въ будущемъ 1866 году.

Печатать дозволяется. Ректоръ Литовск. Дух. Семинаріи Архимандритъ ІОСИФЪ,
1—15 Ноября 1865 года. Вильна.

Въ Типографіи І. Блюмовича на Рудницкой улицѣ въ домѣ Огінскаго.